

Виктория Волкова

ДВОЙНЯ В ПОДАРОК

УДК 82-3
ББК 84
В67

Волкова В.
В67 Двойня в подарок / Виктория Волкова – М.: Литнет, 2026. – 264 с.

ISBN 978-5-524-00845-9

Почему сразу не сообщила? – киваю на близнецов, спящих в люльках. — Я вроде тоже имею отношение...

Обычно с выдержкой у меня полный порядок. Но сейчас жестко плющит от обиды.

Зачем ты так, Лерочка?

— Откуда... — тянет растерянно.

— У меня везде свои люди, — перебиваю резко. — Думала, не узнаю? Серьезно?

— Ты же сразу предупредил, что продолжения не будет. — шепчет потупясь.

В груди давит от гнева. Даже дышать тяжело. Дети мои, и я не собираюсь от них отказываться.

эмоции на пределе;

разница в возрасте;

Новый год;

противостояние;

#ХЭ

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-524-00845-9

© Литнет, 2026
© В. Волкова, 2026

Пролог

Ночь за окном. В свете фонарей падают, танцуя, снежинки. С трудом усевшись на кровати, убираю в сторону штору и выглядываю в окно.

А там городская елка огнями сверкает, и гирлянды вокруг развешаны. Красота!

Чувствую удар пяткой сначала с одной стороны, потом с другой. Малышкам тоже не спится. Крутятся. В футбол там играют. Теперь точно не уснуть.

Тихонько, стараясь не разбудить соседок по палате, накидываю халат и выхожу в коридор. Конечно, встретить Новый год в больнице – та еще невезуха, но мне выбирать не приходится.

Главное, детей сохранить!

Со стороны я сама себе напоминаю ходячий дирижабль. Но фигура волнует меня меньше всего.

– Тихо, мои хорошие, – поглаживая живот, прошу двойняшек. Выглядываю в окно холла. Отсюда елка видна лучше. Мигают желтые и красные гирлянды. И даже доносится музыка.

«Ласт Кристмас Ай гэйв ю май хат», – напеваю знакомый мотивчик.

Близнецы на мое пение реагируют сразу же.

Сначала выпирает одна пяточка, а затем, с другого бока, еще парочка. Улыбаясь, ощупываю ножки.

– Зайчатки мои любимые, – шепчу ласково. – Девчатки-зайчатки!

Снова крутятся.

А я в который раз уговариваю.

– В следующем году мы с вами на елку пойдем. На огонечки любоваться и елочки. А еще через пару лет в детском саду будете снежинками. Я вам такие костюмы сошью... Дед Мороз подарки принесет. А вы ему стишки прочитаете. Только сейчас не торопитесь, маленькие. Доктор нам скажет, когда пора.

Возьются малышки мои. Толкаются.

Смотрю в окно на падающий снег, разноцветные гирлянды и запоздалые парочки. Словно волшебной сказкой люблюсь. И не хочу никуда уходить.

– Ты меня сможешь подменить завтра? – доносится с лестницы резкий голос. Не иначе, как кто-то из медсестер вышел на площадку потрепаться.

«Скорей бы ушли», – думаю, косясь на дверь, выходящую на лестницу.

Возвращаться в палату не хочется. Там душно. Храпит соседка. Да и мысли глупые в голову лезут.

– Что-то срочное? – еле слышно спрашивает другая. Эту я узнаю по голосу. Надя. Из нашего отделения медсестра. Самая тихая и безотказная. И руки золотые. Внутривенные отлично делает. Никаких синяков. Инстинктивно опускаю взгляд на руки. Сплошь гематомы. Хорошо, хоть катетеры изобрели. Но их тоже менять надо. Вот и исхиляюсь попасть в Надюшкину смену...

– Да я на шеллак записалась к Юльке. Хочу завтра обязательно сделать, – объясняет резкая медсестра. Должно быть, из детского отделения. Точно не из патологии.

– К чему такая срочность, Тань? Пойди в свой выходной, – сетует Надя.

Лучше уйти. Нехорошо чужие разговоры подслушивать. Но это так... треп ни о чем.

А мне от елки сейчас ни за что не оторваться. Хоть немного праздник почувствовать...

– Ты какая-то глупая, Надь, – остервенело бросает неизвестная мне Таня. – Я ж тебе говорю. Морозов в город приехал. Лидка сейчас звонила. Видела, как он к себе во двор въезжал на огромном внедорожнике.

– Тебе-то что, Тань? – жалостливо тянет Надежда. – Какое отношение к тебе имеет Тимофей? Он вон где, а мы около плинту-

са...

– У тебя заниженная оценка, Щербинина, – зло восклицает Татьяна. – Вот и сиди около своего плинтуса. А я шубку надену, глаза подведу. Пойду на рынок. Там с Феем встречусь. Глядишь, и замуж позовет... Подмени меня, Надь! Пожалуйста!

– Не могу, – пыхтит недовольно Надежда и добавляет еще что-то, но мне уже не слышно. Да и не надо!

Придерживая живот, тяжело плетусь к новому кожаному дивану, главному украшению отделения. И усевшись около маленькой искусственной елки, бездумно смотрю на игрушки.

Но не вижу ничего! В глазах все от слез расплывается.

Тимофей в городе! Приехал все-таки...

Только бы не искал. Не должен вроде...

Закусываю губу, стараясь сдержаться. Сердце от страха стучит как сумасшедшее.

«Морозов искать не будет. Мы ему не нужны. Он даже не вспомнит тебя. Успокойся! – приказываю себе и тут же охаю от беспокойства. – А если донесут?»

«Кто?! – возмущенно спрашивает здравый смысл. – Ты же никому не говорила!»

Никому, сколько меня не пытали!

Раз сам Тимофей слился, то и с другими откровенничать не обязательно. Не держу на него зла. Не проклинаю ночами. Морозов мне ничего не обещал.

Визитку оставил. Дескать, понадобится адвокат, звони. Я как только на тесте две полоски увидела, сразу набрала. Но Тимофей трубку не взял. Отделался эсэмэской «занят, перезвоню».

А я ждала как дура!

Когда попыталась дозвониться снова, то оказалась в черном списке. Так многие богатые поступают, когда отпадает надобность в человеке. Я какой-то сериал смотрела. Помню.

– Он хороший, только не может жить с нами, – объясняю близне-

цам, притихшим на минуту.

Расслабленно откидываюсь на спинку дивана.

Прикрыв глаза, словно наяву вижу Тимофея. Он уверенно правит катером. Маленькое белое суденышко резво несется по реке, аж брызги летят во все стороны.

– Не бойся! Не перевернемся! – стараясь перекричать двигатели, кричит мне Морозов.

Мотаю головой, улыбаясь. Куда мы едем? Зачем? Понятия не имею. Но с Тимофеем чувствую себя совершенно спокойно. Будто сто лет его знаю.

Украдкой рассматриваю Морозова. Усилием воли заставляю себя отвести взгляд. Но только на минутку. А потом залипаю снова. Зрелище завораживает. Взрослый мужчина в распахнутой камуфляжной куртке ведет по фарватеру новороченный катер. Высокие скулы, короткий ежик темных волос. И серые колючие глаза в обрамлении густых ресниц.

Красивый черт!

Тимофей напряженно смотрит куда-то вперед. Лишь изредка кидает на меня жадный взгляд.

– Обалденная ты, Лера! – кричит на всю округу и неожиданно сворачивает в узкую протоку, спрятавшуюся среди камышей. Глушит двигатель и накрывает мои губы требовательным поцелуем. А когда мне сносит голову от восторга, аккуратно укладывает на теплый ворсистый плед, наскоро расстеленный на дне катерка.

Может, мы оттуда и привезли близнецов?

– Вы со мной, дорогие мои. Я люблю вас, – шепчу, приложив обе ладони к животу. Снова чувствую шевеление.

Интересно, на кого мои девчонки похожи? На меня или на своего отца? Он красивый. Ухоженный такой. А я – обычная...

Вспоминаю, как лежала на мускулистой груди Морозова и чувствовала себя самой счастливой. Чувствовала, как тело обследуют

жадные руки и губы.

Сходила с ума от поцелуев и даже не смела загадывать что-то на будущее.

Увидеть бы хоть разок Тимофея. Просто издалека посмотреть. Запомнить. Я ему никакая не пара. Такие красавцы женятся на дочках партнеров, а не на вчерашних бедных студентках. И даже не догадываются, что где-то в провинции растут их дети. Слишком велик риск, что богатый отец отберет малышей. И Тимофей не исключение. Я точно знаю. Мне говорили. Поэтому рисковать не хочу...

Кто-то шумно бежит по лестнице. Наверняка возвращается Надежда. Лучше уйти в палату и не отсвечивать здесь. А то решит, что я подслушиваю...

Или увидит слезы и вколет успокоительное.

Нервничать нельзя. А я опять реву как дура!

– Что случилось, Ушакова? – войдя в отделение, деловито окликает меня медсестра.

– Все хорошо. Не спится только, – пожимаю плечами и добавляю, будто самый весомый довод. – Праздник скоро...

– Тогда пойдем чай пить, – неожиданно предлагает Надя. – Поболтаем. У меня оливье есть домашний. И наполеон. Мама сегодня готовила. Будешь?

– Конечно, – киваю, улыбаясь. Размазываю по лицу слезы. – А у меня – мандаринки. Девчонки с работы приходили...

– А мужик твой где? Родители? – напряженно смотрит на меня медсестра, помогая подняться с дивана.

– Родители живут далеко. Они со мной не общаются. Говорят, я их опозорила. А мужик тут проездом был. К нам на комбинат приезжал. В командировку, – привираю про Морозова. Шанск – городок маленький. И Тимофей тут – местная знаменитость. Узнает кто, что дети от него, разболтают обязательно.

– А он женат? – продолжает допрос Надежда, входя в комна-

ту для персонала. Расторопно достает судочки из холодильника.

– Нет, – протиснувшись следом, мотаю головой. – Но это была одноразовая акция.

– Ну, может, сообщить ему...

– Не хочу. Дети только мои, – заявляю сердито. Маленьким танком направляюсь к двери.

– погоди, – останавливает меня Надя. Смотрит изумленно. – Мы же чай хотели попить.

– Пойду спать, – вздыхаю устало. – Не люблю про жизнь разговоры.

– Хочешь, провожу? – уныло предлагает медсестра.

– Сама дойду.

И уже в коридоре останавливаюсь около зеркала. Придирчиво осматриваю свое отражение. А оттуда на меня смотрит уставшая беременная женщина с грязными волосами.

Окажись сейчас рядом Тимофей, точно бы не узнал. Прошел бы мимо.

На всех парах возвращаюсь обратно.

– Надя, – прошу чуть обиженную медсестру. – Давай завтра с утра голову помоем, а? Я заплачу...

– Что это тебя пробрало среди ночи, Ушакова? – строго спрашивает она. – Или тоже к приезду принца готовишься?

Дергаюсь, как от удара. Надя, не подозревая, бьет по больному. Только бы не выдать себя. Не разреветься. Не дать повод для сплетен.

– Не понимаю, о чем ты, – роняю небрежно. Закусываю трясущуюся губу и быстрым шагом возвращаюсь в палату.

1. Тимофей. Хорошее дело браком не назовут

– Тимоха! А где елку ставить будем? В зале или на кухне? – орет на весь дом Богдан.

– В баню тащи! В комнату отдыха! – откликаюсь, доставая из шкафа-купе коробки с гирляндами и игрушками.

– Твои родаки всегда в зале ставили, – появляясь на пороге, чешет затылок Дан. И задумчиво глядя в потолок, добавляет. – А помнишь, как мы расстреляли хрустальную люстру?

– Никогда не забуду, – признаюсь честно. – Она свалилась прямо на стол и разбилась. Осколки попали в салаты. Родителям пришлось все выкидывать и заново накрывать... А мама плакала... Чешский хрусталь все-таки.

– Я думал, нас тогда убьют, – морщится Дан. Виновато чешет затылок.

– А мне особо не влетело, – признаюсь я. – Мама лишь попросила запомнить, и в будущем, когда у меня появятся свои дети, не ругать их. А я ей торжественно поклялся, что у меня никогда не будет таких детей-придурков, – усмехаюсь я и замечаю гордо. – Видишь, слово держу!

– Не зарекайся, – весело хмыкает Богдан и, оглянувшись, интересуется. – А где ведро с песком? Елку куда ставить?

– Вчерашний день, Богдан Васильевич, – морщу нос. – Я специальную подставку привез. В багажнике возьми.

И как только друг выскакивает за дверь, открываю коробку с новогодними украшениями. Старые стеклянные потертые игрушки, нанизанные матерью на тонкие нити дождика, покоятся среди комков ваты. Провожу ладонью по ребристым потертым шишкам и шарикам. Наверное, стоило купить новые в городе.

– Сейчас быстренько развесим. Витек приедет, и за стол! – весело командует Дан, застыв в дверном проеме с елкой и подставкой.

– Сначала в баньку, – отрезаю я. – Зря, что ли, строил!

– Да у тебя тут как в Версале, Фей! И баня, и бассейн! Я бы тут в комнате отдыха жить остался! – вздыхает старый друг. – Вот женишься, и твоя гламурная супруга нас с Торгановым и на порог не пустит...

– Да ладно! – отмахиваюсь я. – Не хочу. И так хорошо. Зачем мне жена, сам подумай! Бабки есть. Подружек сговорчивых хватает.

– Совсем семью не хочешь? – спрашивает обескураженно. – Твои вроде нормально жили. Для всех образец...

– Да я ж не спору, – вздыхаю понимающе. – Но время сейчас другое, Дан. Никого уговаривать не надо.

– А семейный уют?

– Не стоит он такого головняка. Суп мне и домработница сварит. Уборка и глажка на ней... Для чего мне жена? Вот скажи!

– А я бы женился, знаешь! Только на нормальной. Но где ее встретить?

– Не знаю, я их не ищу, – смеюсь довольно. – Институт брака давно себя изжил. Надо тебя в бракоразводный процесс взять. Мигом расхочется...

У меня таких примеров – целый стеллаж в архиве. Адвокат все-таки. Больше, правда, по корпоративному праву. Но иногда клиенты просят... Ну, как откажешь, тем более гонорары у меня астрономические.

– Кажется, телефон, – прислушивается Дан к трели, доносящейся из комнаты.

– Мой, – вздыхаю тяжело и, отложив в сторону коробку, иду за айфоном.

«Литвин» – высвечивается на экране фамилия постоянного клиента.

Вопрос – отвечать или нет, не стоит. Слишком велики ставки. У адвокатов не бывает ни выходных, ни праздников. Никакой личной жизни.